

отъ всѣхъ золъ и бѣдствій, сумма которыхъ и приводитъ къ смерти; другими словами, — религія есть *дѣло спасенія отъ смерти*, какъ это видно уже изъ того, что въ отвѣтъ на вопросъ, — „Ты ли тотъ, который долженъ придти, или ожидать намъ другого?“ было указано „слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ мертвые воскресаютъ и нишіе благовѣствуютъ“. (Матѣ. XI, 3—5). Если бы религія была „переживаніе *своеобразнаго* духовнаго опыта“, то она была бы достояніемъ немногихъ, удѣломъ нагурь исключительныхъ, и при томъ изъ числа тѣхъ, которые избавлены отъ необходимости добывать средства къ жизни тяжелымъ трудомъ; тогда какъ нѣтъ человѣка, который не испытывалъ-бы золъ и бѣдствій, который не шелъ-бы къ смерти, а потому религія какъ *дѣло* избавленія отъ золъ — голода, болѣзней, всякаго рода бѣдствій и, наконецъ, отъ самой смерти, — и есть то, что необходимо каждому и всѣмъ, есть потребность всеобщая. И наука не есть *только* познаваніе, какъ это полагаютъ тѣ, которые видятъ въ религіи переживаніе своеобразнаго духовнаго опыта, — наука есть, т. е. *должна быть*, изысканіемъ средствъ къ спасенію: религія указываетъ цѣль — спасеніе отъ всѣхъ золъ и смерти, а наука должна изыскивать пути, способы, средства, которыми достигается спасеніе. Если же наука позволяетъ себѣ разрѣшать вопросъ о цѣли и смыслѣ, — она берется не за свое дѣло, за дѣло, ей непосильное, особенно при настоящемъ ея весьма еще несовершенномъ, можно сказать, младенческомъ и даже эмбриональномъ, зачаточномъ, состояніи.

По воззрѣніямъ автора „Философіи Общаго Дѣла“ требуется объединеніе всего рода человѣческаго, требуется, чтобы и жизнь каждаго человѣка была совершеннымъ единствомъ, чтобы и внутри человѣка не разбирался, не спорилъ самъ съ собою, чтобы человѣкъ вступилъ, наконецъ, въ область несомнѣннаго. Несомнѣнно же для насъ одно, что жизнь наша, — наше благо, — вовсе не наша, она отъемлема, смертна. Всѣ наши близкіе, тѣ, отъ которыхъ мы получили жизнь, всѣ, которыхъ мы любимъ, безъ которыхъ сама жизнь теряетъ для насъ всякую цѣну, — всѣ они умираютъ, и мы сами, не зная, какъ произошла наша жизнь, не держа въ своихъ рукахъ нити нашей жизни, мы тоже, конечно, умремъ. И если жизнь есть благо, то несомнѣнное заключается въ томъ, чтобы взять въ свои руки нить нашей жизни, чтобы она отъ насъ только зависѣла, чтобы мы сами располагали ею, нашимъ благомъ, и тогда это благо будетъ прочнымъ, неотъемлемымъ. Къ этому всегда и стремился человѣкъ, всѣ его религіозныя построенія основаны на сознаніи смертности, на чувствѣ, которое возбуждаетъ въ насъ смерть нашихъ близкихъ, смерть тѣхъ, кото-